

УДК 93/94:37.015.3(470.56)
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-985-994
EDN RFBINJ
Оригинальное исследование

Региональное измерение исторической культуры: Оренбургский край в восприятии студенческой молодежи

Любичанковский С.В.

Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19

E-mail: sylubich@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты диагностики уровня исторической культуры студентов оренбургских вузов, проведенной в сентябре 2025 года. На основе анализа ответов на 15 ключевых вопросов, затрагивающих дискуссионные проблемы отечественной истории и региональной специфики, выявляются основные тенденции, ценностные ориентации и тип исторического сознания современной студенческой молодежи. Анализ показывает преобладание синтетического, интегративного взгляда на исторический процесс, установку на критическое осмысление прошлого и осознание многовариантности истории. В отношении общероссийских сюжетов доминирует комплексный подход, отвергающий упрощенные бинарные оппозиции (западники/славянофилы) и признающий сложность ключевых событий (советская модернизация, распад СССР). Региональная история Оренбургского края воспринимается респондентами не как бремя, а преимущественно как позитивный ресурс развития, основанный на уникальном поликультурном наследии и статусе «перекрестка цивилизаций». Главной задачей изучения истории студенты видят развитие критического мышления и понимание альтернативности исторического процесса, что свидетельствует о формировании рефлексивного типа исторической культуры, ориентированной на анализ и личную интеллектуальную ответственность.

Ключевые слова: историческая культура, историческое сознание, студенчество, анкетирование, историческая память, национальная идентичность, Оренбургский край, образовательная диагностика

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Любичанковский С.В. 2025. Региональное измерение исторической культуры: Оренбургский край в восприятии студенческой молодежи. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 985–994. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-985-994. EDN: RFBINJ

Regional Dimension of Historical Culture: The Orenburg Region in the Perception of Students

Sergey V. Lyubichankovskiy

Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia
E-mail: sylubich@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a diagnostic assessment of the level of historical culture among students of Orenburg universities, conducted in September 2025. Based on the analysis of responses to 15 key questions concerning controversial issues of national history and regional specifics, the author identifies the main trends, value orientations, and type of historical consciousness of modern students. The analysis shows the predominance of a synthetic, integrative view of the historical process, an attitude towards a critical understanding of the past, and an awareness of the multivariance of history. Regarding all-Russian narratives, a comprehensive approach prevails,

© Любичанковский С.В., 2025

rejecting simplified binary oppositions (Westernizers/Slavophiles) and acknowledging the complexity of key events (Soviet modernization, the collapse of the USSR). The respondents perceive the regional history of the Orenburg region not as a burden, but primarily as a positive resource for development, based on a unique multicultural heritage and the status of a "crossroads of civilizations." The students believe that the main task of studying history is the development of critical thinking and an understanding of the alternativeness of the historical process, which indicates the formation of a reflexive type of historical culture focused on analysis and personal intellectual responsibility.

Keywords: historical culture, historical consciousness, students, survey, historical memory, national identity, Orenburg region, educational diagnostics

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Lyubichankovskiy S.V. 2025. Regional Dimension of Historical Culture: The Orenburg Region in the Perception of Students. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 985–994 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-985-994. EDN: RFBINJ

Введение

Понятие «историческая культура» прочно вошло в научный оборот, обозначая комплекс представлений, ценностей, норм и практик, посредством которых общество осмысливает свое прошлое, актуализирует его в настоящем и транслирует в будущее [Репина, 2011, с. 45]. Она формирует основу исторического сознания – способа осмысления исторического времени, причинно-следственных связей и места человека в потоке истории [Савельева, 2003, с. 7]. О важности этого феномена для стабильного развития общества и государства говорят многие исследователи [Бойков, Меркушин, 2003; Алексеев, 2012; Абакарова, 2013; Каравашкин, 2016; Фадеев, 2021; Гашимов, 2022; Фадеев, 2022; Безвесельная, 2023; Гризодуб, 2023; Коробицына 2023; Логунова, 2023; Репин, 2023; Халиков, 2023; Емельянова, 2024; Хвощевская, 2024 и др.]. Диагностика состояния исторической культуры, особенно в молодежной среде, является актуальной исследовательской задачей, поскольку позволяет оценить не только эффективность образовательных стратегий, но и выявить ключевые векторы формирования гражданской и культурной идентичности в современной России [Шнирельман, 2003, с. 112].

Объект и методы исследования

Студенчество, находящееся на важном этапе профессионального и личностного становления, представляет собой репрезентативную группу для такого анализа, и поэтому привлекает внимание современных исследователей [Диалог, 2010; Талтынова, 2023]. Его историческая культура является своего рода индикатором, отражающим результат взаимодействия нескольких факторов: формального школьного и вузовского образования, влияния семьи, средств массовой информации, интернет-среды, а также общественно-политического контекста [Ассман, 2004, с. 89]. Исследования в этой области, проводимые российскими учеными, часто фокусируются на общероссийских тенденциях или на примерах столичных вузов, школ областных центров [Путятина, 2007; Гневашева, 2010; Гневашева, Луков, 2015]. В этой связи анализ специфики исторической культуры студентов региональных университетских центров, к которым относится Оренбург, приобретает особую значимость, позволяя говорить о дифференциации исторического сознания в стране.

Выборка формировалась целевым образом и составила 280 респондентов. Основную массу опрошенных (около 85 %) представляли студенты 1 и 2 курсов бакалавриата и специалитета двух ведущих вузов региона: Оренбургского государственного педагогического университета (ОГПУ) и Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей (ОГИИ). Небольшая часть выборки включила студентов старших курсов (3–5 курсы). Возрастной диапазон респондентов – от 17 до 23 лет с медианным значением 18–19 лет, что соответствует стандартной возрастной когорте студентов-первокурсников. Гендерный состав выборки

является смещенным в сторону женской аудитории (около 75 %), что отражает реальную ситуацию в педагогическом и творческом вузах. Опрос проходил анонимно.

Методологическим инструментом исследования выступила специально разработанная анкета, состоящая из 15 закрытых вопросов с множественным выбором. Каждый вопрос был сконструирован как проблемная дилемма, предлагающая респонденту не просто продемонстрировать знание фактологии, а выразить собственную ценностно-смысловую позицию по дискуссионным вопросам истории России и Оренбургского края. Варианты ответов были составлены таким образом, чтобы представить ключевые подходы, существующие в академической и общественной дискуссии. Анализ ответов проводился путем подсчета процентных долей и качественной интерпретации выявленных предпочтений, что позволило перейти от статистических данных к характеристикам исторической культуры.

Итак, настоящее исследование ставит своей целью диагностику уровня и особенностей исторической культуры студентов г. Оренбурга на основе анализа результатов анонимного анкетирования, проведенного в сентябре 2025 г. Перечень вопросов и вариантов ответов были разработаны автором настоящей статьи в рамках работы по проекту действующей Программы развития Оренбургского государственного педагогического университета «Школа исторического просвещения».

Результаты и их обсуждение

Анализ ответов на вопросы, касающиеся осмыслиения магистральных путей развития российской истории, выявил доминирование среди студенческой аудитории синтетического и комплексного подхода, отвергающего упрощенные бинарные оппозиции. Наиболее показательным в этом отношении является ответ на вопрос о продолжающемся в современных формах споре западников и славянофилов. Абсолютное большинство респондентов (56,79 %) выбрало позицию, утверждающую синтез этих подходов, при котором Россия, впитывая западные влияния, одновременно сохраняла свою уникальность. Этот результат свидетельствует о преобладании в историческом сознании студентов установки на диалектическое восприятие национальной истории, где внешние заимствования и внутренняя традиция не взаимоисключают, а взаимодополняют друг друга, создавая специфическое цивилизационное своеобразие. Значительно менее популярными оказались «чистые» идеологические конструкции: западническая (7,86 %) и славянофильская (21,43 %) позиции, что говорит об их слабой релевантности для современного молодого поколения, мыслящего более сложными и гибридными категориями.

Схожая тенденция к взвешенной, контекстуальной оценке прослеживается в вопросе о феномене советской модернизации (индустриализация, коллективизация). Здесь наибольшая доля ответов (37,14 %) пришлась на вариант, характеризующий ее как трагический, но закономерный этап модернизации по догоняющему сценарию, общий для многих обществ в XX веке. Такой выбор указывает на способность респондентов видеть за частными историческими событиями более широкие, глобальные тренды, что свидетельствует о формировании макросоциального, компаративистского мышления. При этом студенты не склонны к однозначной героизации или демонизации данного периода: версия о «необходимом рывке» с оправданной ценой собрала 32,14 % голосов, а оценка методов как чрезмерных и неоправданных – 25,71 %. Крайняя позиция, сводящая итог модернизации к созданию заведомо неэффективной экономической модели, оказалась маргинальной (5 %), что подчеркивает общую установку на многофакторный анализ, а не на сведение сложных процессов к одному результату.

В оценке причин распада СССР мнения распределились практически равномерно между тремя основными объяснительными моделями, что демонстрирует отсутствие в студенческой среде единого, навязанного взгляда на эту ключевую точку современной истории. Наибольшее количество голосов (30,36 %) получила версия, связывающая распад с внутренними, системными факторами, а именно с национальной политикой раннего СССР и последующим

ростом национального самосознания в республиках. Это отражает понимание долгосрочных, структурных причин кризиса, коренящихся в самой конструкции советского государства. Равное количество респондентов (по 28,21 %) увидели причину в закономерном крахе нежизнеспособной системы и, напротив, в цепи случайностей и ошибок, которых можно было избежать. Такое разделение иллюстрирует живую дискуссионность темы и признание роли как объективных предпосылок, так и субъективного фактора. При этом трактовка распада как «величайшей геополитической катастрофы», спровоцированной предательством элит, оказалась наименее популярной (13,21 %), что также говорит о критическом отношении к эмоциональным оценкам.

Важным индикатором состояния исторического сознания является восприятие феномена российской власти и причин устойчивости этатистской модели. Здесь лидирующее объяснение (33,93 %) связано с внешнеполитическим контекстом – постоянной необходимостью вести войны и защищать огромные границы, что исторически усиливало мобилизационную роль государства. Это указывает на укорененность в сознании студентов геополитической и военно-стратегической парадигмы в объяснении специфики отечественной государственности. Другие варианты – суровые природно-климатические условия (26,07 %), общественный договор (24,64 %) и влияние монгольского владычества (15,36 %) – также нашли свою поддержку, что в совокупности рисует картину многомерного понимания исторических причин современной политической культуры, в котором сочетаются природные, социальные и внешние детерминанты.

Наконец, ключевым результатом, обобщающим отношение к отечественной истории в целом, стал ответ на вопрос об источнике легитимности современной российской государственности. Подавляющее большинство (57,04 %) высказалось за синтез всех этапов отечественной истории – дореволюционного, советского и постсоветского – как за основу для консолидирующей национальной идентичности. Этот выбор прямо коррелирует с ответом на первый вопрос о западниках и славянофилах и подтверждает доминирование интегративной модели исторической памяти. Она противопоставлена как избирательной преемственности от империи (14,08 %) или СССР (18,05 %), так и, что особенно показательно, идее разрыва с прошлым и построения государственности на чисто либеральных ценностях (10,83 %). Таким образом, в массовом историческом сознании студенчества доминирует установка на целостность и преемственность российского исторического пути при признании всей сложности и противоречивости его отдельных этапов.

В восприятии роли личности (Иван Грозный, Петр I, И.В. Сталин) почти половина опрошенных (47,86 %) признает ее решающей в условиях слабости общественных институтов, что коррелирует с представлениями о причинах устойчивости этатистской модели в России. Среди последних лидирует (33,93 %) фактор постоянной военной угрозы и необходимости защиты огромных границ. Это говорит о глубоком укоренении в историческом сознании представления о государстве как о главном мобилизующем субъекте, что является ключевой характеристикой российской исторической традиции.

Отношение к концепции «особого пути» также отличается сбалансированностью. Только 30 % респондентов безоговорочно ее принимают, тогда как 35,36 % видят развитие России в общем русле мировой истории, но с серьезной национальной спецификой. Это позволяет говорить об осторожном отношении к изоляционистским и мессианским трактовкам истории.

Анализ восприятия студентами региональной истории позволяет выявить не только уровень их знаний о локальном прошлом, но и то, каким образом это прошлое интегрировано в их общее историческое сознание и идентичность. Ответы респондентов демонстрируют высокую степень осмыслиения специфики Оренбургского края как уникального историко-культурного образования, сформированного на перекрестке цивилизаций. Вопрос о характере интеграции региона в состав Российской империи выявил сбалансированность оценок, избегающих крайностей. Наибольшее число голосов (29,29 %) получила позиция, описывающая

процесс как сложный симбиоз, при котором государство создавало крепости и инфраструктуру, а вслед за ним шли переселенцы, осваивавшие территории. Этот выбор свидетельствует о понимании многосубъектности исторического процесса, в котором взаимодействовали имперская административная воля и народная колонизационная стихия. Практически равную поддержку получили трактовки, акцентирующие либо военно-административную экспансию (27,86 %), либо закономерное освоение новых земель (27,14 %). При этом наименьшая доля ответов (15,71 %) пришлась на вариант, дифференцирующий этапы: экспансия в XVIII веке и хозяйственное освоение в XIX веке. Это может указывать на некоторый дефицит детальных исторических знаний о периодизации, однако в целом картину характеризует отказ от однозначных, упрощенных определений в пользу признания комплексного и многогранного характера вхождения края в российское государство.

Еще более показательными являются ответы на вопрос о национальной политике в Оренбургском крае, который был сформулирован как дилемма между трактовкой региона как «лаборатории толерантности» или как примера «политики выстраиваемой иерархии». Распределение голосов здесь оказалось практически равномерным: 32,26 % респондентов склонились к позитивному образу «лаборатории толерантности», где традиционно складывались отношения взаимного уважения, в то время как 31,18 % выбрали критическую оптику «управляемого многообразия», подчеркивающую целенаправленное выстраивание имперской, а затем советской властью иерархии между этническими группами. Такое почти паритетное разделение мнений красноречиво свидетельствует о неодномерном восприятии имперского и советского наследия. С одной стороны, студенты признают объективно существовавший и сохраняющийся до сих пор уникальный поликультурный ландшафт региона, являющийся результатом длительного сосуществования народов. С другой стороны, они отдают себе отчет в том, что это многообразие не было идиллическим, аправлялось и структурировалось государственной властью в ее интересах. Важно отметить, что 21,51 % респондентов провели более тонкое различие, указав на большую гибкость имперской политики по сравнению с более жесткой советской национальной политикой. Это говорит о наличии у значительной части аудитории способности к сравнительно-историческому анализу и дифференцированной оценке разных исторических эпох.

Особый интерес представляет восприятие феномена оренбургского казачества. Здесь наиболее популярной (36,69 %) оказалась двойственная, амбивалентная оценка, признающая, что казаки были и инструментом государственного освоения края, и в то же время жертвой государственной политики, особенно в период расказачивания. Такой взгляд демонстрирует осознание сложности и трагичности исторической судьбы отдельной социальной группы, чья идентичность и роль на разных этапах кардинально менялась. Треть опрошенных (33,81 %) видят в казаках, прежде всего, служилое сословие, что акцентирует их функциональную, государственную роль. Значительно меньше тех, кто считает казаков отдельным народом (17,27 %) или делает акцент исключительно на их трагедии (12,23 %). Это распределение указывает на преобладание в историческом сознании социально-функционального подхода к пониманию казачества над этнонациональным или сугубо трагическим.

Отвечая на вопрос о причинах ожесточенности Гражданской войны в регионе, студенты также показали понимание специфической региональной геополитики и социальной структуры. Основными факторами были названы сложный национальный состав, осложнявший противостояние (32,5 %), и наличие мощного казачества, ставшего опорой белого движения (31,79 %). Меньшее, но значимое число голосов получили геополитическое положение края как узла транспортных артерий (19,64 %) и глубокое социальное расслоение (16,07 %). Эти ответы, взятые вместе, рисуют комплексную картину, в которой переплелись национальные, военно-политические, экономические и географические причины, сделавшие Оренбургский край одним из эпицентров братоубийственного конфликта.

Наиболее значимым результатом регионального блока является ответ на вопрос о том, является ли история «бременем прошлого» или «ресурсом для развития» для современной

области. Явное большинство (42,14 %) видят в истории ключевой ресурс, основанный на уникальном поликультурном наследии и статусе «перекрестка цивилизаций». Еще 25 % полагают, что будущее зависит не от самого наследия, а от способности общества его интерпретировать и использовать. И лишь 18,21 % оценивают историю прежде всего как бремя. Это свидетельствует о доминировании конструктивного, проектного отношения к локальному прошлому. Студенты не замыкаются на негативных аспектах или проблемах, унаследованных от предыдущих эпох, а видят в многогранной истории Оренбуржья потенциал для развития туризма, культурного диалога и «мягкой силы» региона, что указывает на позитивную, здоровую основу региональной идентичности.

Ответы студентов на вопрос о главной задаче изучения истории в современном университете служат важным индикатором, позволяющим определить не только их образовательные ожидания, но и глубинное понимание социально-культурной функции исторического знания. Распределение предпочтений в данном случае имеет исключительную значимость, поскольку оно отражает ценностные ориентации, доминирующие в историческом сознании молодежи. Наибольшее число респондентов (33,81 %) видят главную задачу в критическом осмыслиении прошлого, развенчании мифов и извлечении уроков на будущее. Этот выбор свидетельствует о четко выраженном запросе на рефлексивную, аналитическую модель исторического образования, которая противопоставляется пассивному усвоению готового, канонического нарратива. Установка на «критическое осмыслиение» подразумевает развитие у студентов способности к самостоятельной оценке исторических источников, выявлению причинно-следственных связей и распознаванию идеологических конструктов, что соответствует традициям академического рационализма и принципам фундаментального образования. Стремление же «извлекать уроки» указывает на pragматический, но не упрощенный взгляд на историю как на источник моделей и антимоделей для понимания современных социальных и политических процессов, что говорит о желании видеть в дисциплине инструмент для ориентации в настоящем.

Второй по популярности ответ (26,26 %) связан с пониманием истории как многовариантного процесса, где не было предопределенности, а существовали разные возможности развития. Эта позиция, тесно связанная с первой, углубляет критический подход, акцентируя внимание на идее случайности, альтернативности и открытости исторического момента. Такой взгляд требует от студента развитого воображения и способности к мысленному моделированию, поскольку предполагает реконструкцию не только реализовавшегося пути, но и «утраченных альтернатив». Подобное понимание истории является мощным противоядием против фаталистических и детерминистических концепций, будь то идея «особого пути» или телеологический марксизм. Оно воспитывает чувство ответственности за настоящее как результат выбора, сделанного в прошлом, и формирует установку на возможность сознательного конструирования будущего. Поддержка данной позиции почти четвертью опрошенных указывает на значительное проникновение в студенческую среду современных философско-исторических представлений, характерных для нелинейной парадигмы исторического знания.

Существенная, но меньшая доля голосов (21,58 %) была отдана задаче формирования государственно-патриотической позиции и гордости за прошлое. Этот результат указывает на сохранение значимости воспитательной, идеологической функции истории в восприятии части студенчества. Однако тот факт, что эта традиционная для образовательных систем установка заняла лишь третье место, а не доминирует, весьма показателен. Он свидетельствует о сдвиге в ценностных приоритетах: для большинства студентов университетский курс истории – это в первую очередь инструмент развития критического мышления и понимания сложности мира, а не платформа для формирования заранее заданной идентичности. Можно предположить, что патриотическое воспитание воспринимается ими скорее как следствие честного и глубокого изучения прошлого, включающего его драматические страницы, а не как результат насаждения упрощенно-позитивной версии событий.

Наконец, 18,35 % респондентов определили главную задачу как развитие сугубо академических навыков: работы с источниками, историографического анализа и самостоятельного

критического мышления. Эта, на первый взгляд, узкопрофессиональная установка на деле тесно переплетается с лидирующими ответами. Именно владение научными методами является фундаментом для реализации как критического, так и многовариантного подхода к истории. Выбор этого варианта указывает на наличие у значительной части аудитории запроса на овладение конкретным исследовательским инструментарием, на понимание того, что историческая истина недается в готовом виде, а является продуктом кропотливой работы с эмпирическим материалом.

В совокупности ответы на этот вопрос рисуют портрет современного студента как достаточно зрелого потребителя исторического знания, который ждет от университетского курса не набора фактов или идеологических постулатов, а интеллектуальных инструментов для самостоятельной навигации в прошлом и настоящем. Доминирование установок на критицизм, многовариантность и методологическую грамотность позволяет говорить о глубоком усвоении ценностей научной рациональности и о формировании того типа исторической культуры, который ориентирован на анализ, рефлексию и личную интеллектуальную ответственность.

Заключение

Проведенный анализ ответов оренбургских студентов выявляет формирование нового типа исторического сознания, для которого характерен отказ от упрощенных идеологических схем в пользу многомерного восприятия прошлого. Центральной особенностью этого сознания становится способность удерживать в единстве различные исторические эпохи, не противопоставляя их, а находя точки преемственности и взаимного влияния. Это проявляется не только в оценке общероссийского пути, но и в осмысливании региональной специфики, где прошлое рассматривается как живой ресурс для современного развития.

Важной характеристикой выступает pragматический подход к историческому знанию, когда акцент смещается с усвоения готовых оценок на выработку навыков критического анализа. Студенты демонстрируют запрос на понимание исторических процессов как поля возможностей, где существовали альтернативы развития, а не как набора предопределенных событий. Такой взгляд позволяет рассматривать историю как инструмент для осмысливания современных вызовов и проектирования будущего.

Особого внимания заслуживает специфика восприятия региональной истории Оренбургского края. Поликультурное наследие региона осмысливается не как наследие конфликтов, а как основа для конструктивного диалога и развития «мягкой силы» территории. Это свидетельствует о формировании зрелой региональной идентичности, способной интегрировать сложное историческое наследие в современный контекст.

Полученные результаты позволяют говорить о сложившемся балансе между критическим отношением к прошлому и осознанием ценности исторического опыта. Сформировавшийся тип исторической культуры можно охарактеризовать как рефлексивный – ориентированный на анализ, но избегающий крайностей нигилистического отрицания или некритического принятия прошлого. Это создает благоприятную основу для развития гражданской идентичности, сочетающей национальную принадлежность с осознанием многообразия исторического опыта.

Перспективы дальнейших исследований видятся в сравнительном анализе исторической культуры студенчества разных регионов России, а также в изучении эволюции исторических представлений в условиях цифровизации общества. Особый интерес представляет анализ того, как выявленные установки трансформируются в процессе профессионального становления студентов.

Список литературы

- Абакарова Р.М. 2013. Роль нравственной традиции в диалоге культур народов России. *Вестник Дагестанского научного центра Российской академии образования*. 3: 3–6.
- Алексеев С.В. 2012. Построение истории – построение общества. *Знание. Понимание. Умение*. 1: 308–310.
- Ассман Я. 2004. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва, Языки славянской культуры, 368 с.

- Безвесельная З.В. 2023. Историко-культурная традиция организации трудовой деятельности в России и ее влияние на состояние современного экономического менталитета россиян. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. Т. 20. 5(131): 84–91.
- Бойков В.Э., Меркушин В.И. 2003. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования. *Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС*. 2: 5–21.
- Гашимов Э.А. 2022. К вопросу о диалоге культур в поликультурном пространстве. Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике: материалы III Международной научной конференции, Майкоп, 27–29 октября 2022 года. Майкоп: Адыгейский государственный университет: 83–89.
- Гневашева В.А. 2010. Социальные и культурные ценностные ориентации российской молодежи. Москва, Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 303 с.
- Гневашева В.А., Луков С.В. 2015. Историческое сознание студенческой молодежи Москвы. *Социология и жизнь*. 1: 127–134.
- Гризодуб П.А. 2023. Казачество как феномен культурного многообразия Юга России. Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 10 ноября 2023 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет: 33–35.
- Диалог, 2010. Диалог организационных культур в создании общеевропейского пространства высшего образования: монография. Москва, Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 260 с.
- Емельянова О.Б. 2024. От Византии к Руси: влияние византийской идентичности на формирование русской идентичности. *Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета*. 1: 5–13.
- Каравашкин А.В. 2016. Историография культуры: А.С. Лаппо-Данилевский – П.М. Бицилли – А.Ф. Лосев – Д.С. Лихачев. *Вестник РГГУ*. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 7(16): 21–46.
- Коробицына Л.В. 2023. Сохранение исторической памяти в современном российском обществе: к вопросу об актуальном законодательстве. *История: факты и символы*. 1(34): 32–38.
- Логунова Н.В. 2023. Цифровизация как инструмент сохранения и продвижения культурного наследия. Духовно-нравственные ценности российской молодежи: история и современность: Сборник материалов 1-й Всероссийской научно-практической молодежной конференции, Москва, 09 декабря 2022 года. Москва: Автономная некоммерческая организация «Центр развития образовательных и исследовательских проектов «Академический Альянс»: 86–89.
- Путятина Т.П. 2007. К вопросу о состоянии исторического сознания современных школьников. *Социология власти*. 5: 148–161.
- Репин Д.А. 2023. К проблеме определения истоков самобытности духовной культуры России. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. № 4: 168–181.
- Репина Л.П. 2011. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. Москва, Кругъ., 560 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. 2003. Знание о прошлом: теория и история: В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого. Санкт-Петербург, Наука, 632 с.
- Талтынова Е.В. 2023. Советско-японская война 1945 года в исторической памяти студентов. *Tractus Aevorum*. 10(3): 345–356.
- Фадеев П.В. 2021. Историко-культурные представления как консолидирующий компонент российской гражданской идентичности. *Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН*. № 1: 46–57.
- Фадеев П.В. 2022. Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни. *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 10. 3(39): 78–95.
- Халиков И. А. 2023. Возможности применения информационных технологий в процессе сохранения и использования памятников истории и культуры. Уголовная политика в условиях цифровой трансформации: сборник статей материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 27 апреля 2023 года. Казань: Издательство «Отечество». 59–65.
- Хвощевская И.В. 2024. Взаимосвязь языка и культуры как основа формирования Российской идентичности. *Образовательный вестник Сознание*. Т. 26. 6: 4–12.
- Шнирельман В.А. 2003. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва, ИКЦ Академкнига, 245 с.

References

- Abakarova R.M. 2013. Rol' nравственной традиции в диалоге культур народов России [The Role of Moral Tradition in the Dialogue of Cultures of the Peoples of Russia]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii obrazovaniya*. 3: 3–6.
- Alekseev S.V. 2012. Postroenie istorii – postroenie obshchestva [Building a Story is Building a Society]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 1: 308–310.
- Assman Ya. 2004. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 368 p.
- Bezvesel'naya Z.V. 2023. Istoriko-kul'turnaya tradiciya organizacii trudovoij deyatel'nosti v Rossii i ee vliyanie na sostoyanie sovremennoj ekonomicheskogo mentaliteta rossiyan [The Historical and Cultural Tradition of the Organization of Labor Activity in Russia and its Influence on the State of the Modern Economic Mentality of Russians]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*. T. 20. 5(131): 84–91.
- Bojkov V.E., Merkushin V.I. 2003. Istoricheskoe soznanie v sovremenном rossijskom obshchestve: sostoyanie i tendencii formirovaniya [Historical Consciousness in Modern Russian Society: The State and Trends of Formation]. *Sociologiya vlasti: Vestnik Sociologicheskogo centra RAGS*. 2: 5–21.
- Gashimov E.A. 2022. K voprosu o dialogue kul'tur v polikul'turnom prostranstve [On the Issue of the Dialogue of Cultures in a Multicultural Space]. Kognitivnye paradigmy yazykovogo soznaniya i problemy bilingvizma v sovremennoj lingvistike: materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Majkop, 27–29 oktyabrya 2022 goda. Majkop: Adygejskij gosudarstvennyj universitet: 83–89.
- Gnevashova V.A. 2010. Social'nye i kul'turnye cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi [Social and Cultural Value Orientations of Russian Youth]. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 303 p.
- Gnevashova V.A., Lukov S.V. 2015. Istoricheskoe soznanie studencheskoj molodezhi Moskvy [The Historical Consciousness of the Student Youth of Moscow]. *Sociologiya i zhizn'*. 1: 127–134.
- Grizodub P.A. 2023. Kazachestvo kak fenomen kul'turnogo mnogoobraziya Yuga Rossii [Cossacks as a Phenomenon of Cultural Diversity in the South of Russia]. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi: problemy istorii i sovremennosti : Sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Rostov-na-Donu, 10 noyabrya 2023 goda. Rostov-na-Donu: Rostovskij gosudarstvennyj medicinskij universitet: 33–35.
- Dialog. 2010. Dialog organizacionnyh kul'tur v sozdaniy obshcheevropejskogo prostranstva vysshego obrazovaniya: monografiya [The Dialogue of Organizational Cultures in the Creation of a Pan-European Higher Education Space: A Monograph]. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 260 p.
- Emel'yanova O.B. 2024. Ot Vizantii k Rusi: vliyanie vizantijskoj identichnosti na formirovanie russkoj identichnosti [From Byzantium to Russia: The Influence of Byzantine Identity on the Formation of Russian Identity]. *Gumanitarnyj vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 1: 5–13.
- Karavashkin A.V. 2016. Istoryografiya kul'tury: A.S. Lappo-Danilevskij – P.M. Bicilli – A.F. Losev – D.S. Lihachev [Cultural Historiography: A.S. Lappo-Danilevsky – P.M. Bicilli – A.F. Losev – D.S. Likhachev]. *Vestnik RGGU. Seriya: Iстория. Филология. Культурология. Vostokovedenie*. 7(16): 21–46.
- Korobycyna L.V. 2023. Sohranenie istoricheskoy pamyati v sovremennom rossijskom obshchestve: k voprosu ob aktual'nom zakonodatel'stve [Preservation of Historical Memory in Modern Russian Society: On the Issue of Current]. *Istoriya: fakty i simvoli* 1(34): 32–38.
- Logunova N.V. 2023. Cifrovizaciya kak instrument sohraneniya i prodvizheniya kul'turnogo naslediya [Digitalization as a Tool for Preserving and Promoting Cultural Heritage]. Duhovno-nravstvennye cennosti rossijskoj molodezhi: istoriya i sovremenost': Sbornik materialov 1-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy molodezhnoj konferencii, Moskva, 09 dekabrya 2022 goda. Moskva: Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya «Centr razvitiya obrazovatel'nyh i issledovatel'skih proektorov «Akademicheskij Al'yans». 86–89.
- Putyatina T.P. 2007. K voprosu o sostoyanii istoricheskogo soznaniya sovremennyh shkol'nikov [On the Issue of the State of Historical Consciousness of Modern Schoolchildren]. *Sociologiya vlasti*. 5: 148–161.
- Repin D.A. 2023. K probleme opredeleniya istokov samobytnosti duhovnoj kul'tury Rossii [On the Problem of Determining the Origins of the Identity of the Spiritual Culture of Russia]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 4: 168–181.

- Repina L.P. 2011. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical Science at the Turn of the XX–XXI Centuries: Social Theories and Historiographical Practice]. Moscow, Krug", 560 p.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. 2003 Znanie o proshlom: teoriya i istoriya: V 2-h t. T. 1: Konstruirovanie proshloga [Knowledge of the Past: Theory and History: In 2 Volumes. Vol. 1: Constructing the Past]. Saint Petersburg, Nauka, 632 p.
- Taltyanova E.V. 2023. Sovetsko-yaponskaya vojna 1945 goda v istoricheskoy pamяти studentov [The Soviet-Japanese war of 1945 in the Historical Memory of Students]. *Tractus Aevorum*. 10(3): 345–356.
- Fadeev P.V. 2021. Istoriko-kul'turnye predstavleniya kak konsolidiruyushchij komponent rossijskoj grazhdanskoy identichnosti [Historical and Cultural Representations as a Consolidating Component of Russian Civic Identity]. *Informacionno-analiticheskij byulleten' Instituta sociologii FNISC RAN*. 1: 46–57.
- Fadeev P.V. 2022. Rossijskaya gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' skvoz' prizmu vospriyatiya istorii, kul'tury i obshchestvenno-politicheskoy zhizni [Russian State-Civil Identity through the Prism of Perception of History, Culture and Socio-Political Life]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. T. 10. 3(39): 78–95.
- Halikov I.A. 2023. Vozmozhnosti primeneniya informacionnyh tekhnologij v processe sohraneniya i ispol'zovaniya pamyatnikov istorii i kul'tury [The Possibilities of using Information Technologies in the Process of Preserving and using Historical and Cultural Monuments]. Ugolovnaya politika v usloviyah cifrovoj transformacii: sbornik statej materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kazan', 27 aprelya 2023 goda. Kazan': Izdatel'stvo \"Otechestvo\". 59–65.
- Hvoshchevskaya I.B. 2024. Vzaimosvyaz' yazyka i kul'tury kak osnova formirovaniya Rossijskoj identichnosti [The Interrelation of Language and Culture as the Basis for the Formation of Russian Identity]. *Obrazovatel'nyj vestnik Soznanie*. T. 26. 6: 4–12.
- Shnirel'man V.A. 2003. Vojny pamяти: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Wars of Memory: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow, IKC Akademkniga, 245 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.11.2025

Received 11.11.2025

Поступила после рецензирования 29.11.2025

Revised 29.11.2025

Принята к публикации 01.12.2025

Accepted 01.12.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

[ORCID: 0000-0001-8349-1359](#)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Lyubichankovskiy, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia